

Observatoire ARGA

Отчёт по санкциям и комплаенсу за 2025 год

ГЕОПОЛИТИКА КРИПТОВАЛЮТ И DIGITAL ECONOMY

USDT-Экономика, Трансграничные Киберсети и Новые Узлы Преступности в Евразии

Автор:

Сергей Храбрых — президент ARGA, PhD

Организация: Observatoire ARGA – подразделение по санкциям и комплаенсу

Адрес для корреспонденции: 14 rue Jacques Laffitte, Байонна, 64100

Контакты: info@argaobservatory.org

Париж, 10 ноября 2025

Оглавление

Резюме	3
1. Методология	3
2. Введение: цифровая трансформация мировой преступности и финансов	6
3. USDT-Экономика: новая глобальная финансовая инфраструктура	6
4. География криптовалютных узлов Евразии	8
4.1. ОАЭ (Дубай, Абу-Даби).....	8
4.2. Грузия (Тбилиси, Батуми).....	9
4.3. Литва — цифровой шлюз в ЕС.....	9
4.4. Казахстан и Кыргызстан — ЕАЕУ-криптологистика.....	9
4.5. Гонконг и Юго-Восточная Азия.....	10
5. Акторы крипто-геополитики	10
5.1. Государственные и квазигосударственные группы.....	10
5.2. Криминальные группы.....	11
5.3. ОТС-брокеры и теневые банкиры.....	11
5.4. Финтех-посредники.....	11
5.5. Корпоративные группы.....	12
6. Case Studies	12
Case 1 — USDT-цепочка для обхода экспортного контроля (ОАЭ → Армения → Россия).....	12
Case 2 — Цифровой криминальный хаб (Азия → Евразия → ЕС).....	13
Case 3 — Корпоративный конфликт, “оцифрованный” в крипту (СНГ → ОТС → госдавление).....	13
7. Глобальные риски	13
7.1. Формирование параллельной долларовой системы (USDT-statehood effect).....	13
7.2. Укрепление цифровой преступности и превращение её в экономическую отрасль.....	14
7.3. Усложнение AML-мониторинга и санкционного контроля (regulatory asymmetry).....	14
7.4. Геополитизация криптовалют и борьба за цифровой суверенитет.....	14
7.5. Рост Interpol Abuse и криминализация цифровых конфликтов.....	14
8. Прогноз 2025–2027	15
8.1. Усиление глобального регулирования цифровых активов.....	15
8.2. Санкции и нормативные удары по ОТС-рынкам ОАЭ, Грузии и Казахстана.....	15
8.3. Децентрализация криптопреступности и формирование нового теневого ядра.....	15
8.4. Формирование «Digital Iron Curtain» — раскол криптоэкономики на блоки.....	15
8.5. Интеграция криптоактивов в международное право и судебную практику.....	16
9. Рекомендации ARGA Observatory	16
9.1. Международным организациям и межгосударственным регуляторам (FATF, UNODC, OECD, INTERPOL, EUROPOL).....	16
9.2. Регуляторам ЕС, США, Великобритании, Японии и Южной Кореи.....	16
9.3. Академическим институциям, исследовательским центрам, лабораториям цифровой криминологии.....	17
10. Заключение	17
Источники	18

Резюме

Криптовалюты перестали быть маргинальной технологической инновацией и превратились в фундаментальный инструментарий мировой политики и международной безопасности. В 2020–2025 гг. цифровые активы — особенно USDT — сформировали параллельный финансовый контур, который функционирует как *небанковская долларовая система*, способная обходить SWIFT, санкционные регистры, экспортный контроль и банковскую регуляцию.

USDT-экономика становится глобальным источником ликвидности, доступным там, где традиционная банковская инфраструктура ограничена санкциями, деофшоризацией или политическими рисками. Сегодня она используется не только для платежей и P2P-расчётов, но и как заменитель офшоров, корреспондентских счетов, биржевых рынков и наличного доллара.

Евразия — ключевое пространство, где эта система сформировала собственную геополитику. Здесь криптовалюты выполняют функции:

- обход санкций и экспортных ограничений;
- каналов финансирования теневой торговли и параллельного импорта;
- инструмента укрытия активов при корпоративных конфликтах и национализации;
- схем репатриации капитала и обналичивания цифровых активов;
- основы для формирования новых криминально-экономических альянсов.

Доклад ARGA Observatory фиксирует формирование новой крипто-экономической архитектуры, где цифровые активы становятся опорой:

1. трансграничных теневых финансовых потоков;
2. гибридных сетей ОАЭ — Кавказ — Центральная Азия — Гонконг;
3. новой элиты цифровых посредников — crypto-brokers & OTC-дилеров;
4. криминальных и государственно-корпоративных цифровых картелей.

USDT и stablecoin-финансы больше не являются технологической аномалией — это новая система распределения власти и капитала, которая уже конкурирует с традиционными институтами мировой экономики. Доклад определяет ключевые узлы риска, структуру киберфинансовых сетей, механизмы регулирования, сценарии эволюции и стратегические угрозы для международной безопасности в горизонте 2025–2030 гг.

1. Методология

Доклад построен на многослойной исследовательской структуре, объединяющей техническую блокчейн-аналитику, финансовую разведку, международное право, OSINT-разведку и эмпирическую базу полевых наблюдений. Это позволяет не просто описывать криптовалютные потоки, но и выявлять *политические, криминальные и геоэкономические* причины их формирования.

1. On-chain анализ блокчейнов TRON, Ethereum, BSC

Используются методы декомпозиции транзакционных графов, кластеризация адресов, построение узловых карт потоков и анализ коррелирующих перемещений ликвидности. Это позволяет:

- выявлять скрытые брокерские центры и неформальные крипто-хабы;
- отслеживать движение USDT-ликвидности между регионами;
- фиксировать переходы активов между криминальными, корпоративными и государственными адресами;
- выявлять повторяющиеся маршруты (pattern recognition).

TRON стал главным транспортом USDT-экономики Евразии, что делает его аналитическую обработку центральным элементом исследования.

2. Применение blockchain-intelligence платформ (Chainalysis, TRM, Crystal, Elliptic)

Используются инструменты:

- risk-score сегментация адресов,
- подписывание кошельков метками угроз (flagged entities),
- выявление миксер-схем и hop-routing,
- анализ концентраций USDT в OTC-пулах.

Результат — построение модели *криптоэкосистемы как сети инфраструктур, а не набора транзакций*.

3. OSINT-блок: добыча данных из открытых источников

Анализируются:

- медиа и расследования;
- судебные архивы;
- корпоративные реестры Евразии;
- Telegram-сети OTC-обменников;
- базы утечек (DB dumps).

OSINT позволяет реконструировать мотивацию акторов, политический контекст и связи между посредниками. В криптогеополитике факты и контекст равнозначны.

4. FININT-разведка (финансовый слой исследования)

На основе банковских выписок, корреспондентских каналов, SWIFT-данных, off-ramps и stablecoin-фиат-конвертаций проводится:

- реконструкция движения капитала между юрисдикциями;
- выявление цепочек обналичивания USDT в фиат;
- определение точек, где цифровой капитал становится экономически реальным.

Это ключевой блок, связывающий крипто-маршруты с реальным рынком.

5. Наблюдение за OTC-структурами в ОАЭ, Грузии, Казахстане, Гонконге и Литве

Собраны данные о:

- спредах, комиссиях и ликвидности;
- механизмах обхода KYC;
- способах расчётов в серых и чёрных пулах ликвидности;
- структурах, работающих с high-risk capital (санкционные, тёмные, криминальные активы).

OTC-рынок — фактический «неформальный интербанк» USDT-экономики. Полевая аналитика позволяет увидеть то, что не фиксируется ни в блокчейне, ни в судах.

6. Анализ уголовных дел и расследований

Использованы:

- материалы о преследованиях операторов OTC / P2P-сетей;
- дела о легализации средств (AML), крипто-обналичивании и обходе санкций;
- судебные решения по конфискации цифровых активов.

Это позволяет выявлять, *где криптовалюта — инструмент преступления, а где — инструмент защиты капитала от государства.*

7. Анализ нормативных блоков (FATF, FinCEN, EU MiCA, регуляторы Азии)

Регуляторический слой методологии включает:

- анализ международных стандартов AML и Travel Rule;
- сопоставление регулирования USDT в ЕС, США, ОАЭ, Гонконге;
- оценку разницы между юридическими и фактическими механизмами контроля.

Криптогеополитика формируется не технологиями, а регуляторной асимметрией между странами.

8. Эмпирическая база: 163 кейса (2020–2025)

В базу включены случаи:

- вывода капитала в USDT;
- транзитов через OTC-пулы;
- хеджирования санкций;
- крипто-рейдерства и цифровых схем давления.

Каждый кейс позволяет не только фиксировать факт, но и выстраивать математически повторяющиеся сценарии. *Криптоэкономика становится предсказуемой именно через массив кейсов, а не через отдельные примеры.*

2. Введение: цифровая трансформация мировой преступности и финансов

Криптовалюты, изначально рассматривавшиеся как технологическая инновация и инструмент экономической либерализации, в течение последнего десятилетия превратились в фундаментальный элемент новой мировой финансовой архитектуры. Их функциональная роль больше не ограничивается альтернативой банковской системе — они стали инфраструктурой, способной замещать государственные валютные механизмы и формировать самостоятельные теневые рынки ликвидности.

Сегодня криптовалюты одновременно выполняют несколько системных функций:

- механизм обхода санкций, обеспечивающий переводы, недоступные в банковской системе;
- инструмент трансграничных преступных сетей, позволяющий создавать маршруты поставки оружия, наркотиков, нелегальных технологий и цифровых услуг;
- канал вывода и сохранения капитала, используемый предпринимателями и политическими элитами в условиях преследования;
- средство корпоративных войн и экономического давления, позволяющее быстро перемещать активы вне контроля государственных институтов;
- инструмент кибер-вымогательства, лежащий в основе ransomware-экономики;
- альтернативная долларовая система, где USDT выполняет функцию расчётной единицы без института центрального банка.

Ключевым элементом этой трансформации стала USDT-архитектура — крупнейшая в мире сеть токенизированного доллара, работающая без географических границ, институционального суверена и полноценной регуляторной ответственности. Объём транзакций в TRON- и Ethereum-пулах USDT сопоставим с финансовым оборотом банков среднего уровня, а в некоторых юрисдикциях — превышает официальные валютные операции.

Таким образом, криптовалюты перестали быть технологическим экспериментом и превратились в новую форму глобальных денег, перенося экономическую мощь и финансовый контроль из рук государств в гибридную экосистему OTC-рынков, операторов ликвидности, майнинговых центров, киберпреступности и частных криптокорпораций. В Евразии этот процесс проходит особенно быстро — регион становится одной из ключевых зон, где цифровая преступная экономика и трансграничные финансовые потоки формируют новую карту власти и влияния.

3. USDT-Экономика: новая глобальная финансовая инфраструктура

Параллельно с традиционной долларовой системой сформировалась альтернативная сеть расчётов на основе токенизированной ликвидности — прежде всего USDT. По

объёмам транзакций она сопоставима с государственными валютными сегментами развивающихся экономик, но функционирует вне географической, регуляторной и банковской юрисдикции. USDT стал новой формой финансового суверенитета — денежной системой, не имеющей центрального эмитента, регулирующего органа, банковских корреспондентских ограничений и границ для трансграничного движения капитала.

3.1. Ликвидность вне государственного контроля

USDT создаёт условия, в которых расчёт происходит:

- мгновенно и необратимо,
- между пользователями в любой точке мира,
- без доступа государства к механизму блокировки транзакций,
- с возможностью перемещения значительных объёмов капитала в пределах одной операции.

В отличие от SWIFT, SEPA или Fedwire, эта система не требует банков-корреспондентов, не подчиняется санкционным фильтрам и обеспечивает экономические операции, которые невозможно остановить административным решением. Для государств это означает утрату монополии на валютные операции.

3.2. Транзит и «мягкая анонимность»

Анонимность криптовалют — не абсолютна, но воспроизводима на операционном уровне. Трассировка возможна, но дорогостоящая, а транзакционная атомизация позволяет дробить крупные суммы на десятки микропакетов, теряя связь между отправителем и получателем.

USDT отличается низкой плотностью доказательств: формально операции публичны, но идентификация владельцев кошельков требует внешних данных — KYC-следов, утечек баз, данных бирж, финтех-логов. В серой зоне, где работают криптовалютные посредники, эта связка намеренно разрывается.

3.3. Геоцентричность TRON как крипто-платёжного коридора Евразии

В 2023–2025 годах TRON стал фактическим «экономическим позвоночником» USDT-системы. Более 70% P2P-переводов, связанных с теневыми активами, проходят именно через него. Причины очевидны:

- минимальная стоимость газа;
- высокая пропускная способность сети;
- слабый институциональный контроль;
- развитость OTC-площадок в Евразии и Азии.

Таким образом, TRON превратился в аналог SWIFT для нелегальных расчётов региона — дешёвый, быстрый, устойчивый к блокировкам и расчётно-ориентированный.

3.4. OTC-рынки как функциональный аналог банковской системы

Параллельно с USDT-сетью формируется инфраструктура, заменяющая банковские институты. OTC-дилеры выполняют роль:

- кассиров цифровых валют,
- кредиторов ликвидности,
- трансграничных клиринговых узлов,
- бэк-офисов серого импорта и корпоративных войн.

Крупнейшие OTC-хабы сейчас локализованы в:

Регион	Функция	Статус
ОАЭ (Дубай)	Центральный обмен USDT↔Fiat	Главный глобальный рынок ликвидности
Грузия (Тбилиси)	P2P-транзит, серый импорт	Региональный хаб для РФ/Арм/Каз
Литва	Fiat-вывод в ЕС, корпоративные счета	«Ворота в Евросоюз»
Казахстан	Транзит импорта, обналичивание	Узел для параллельного импорта
Гонконг	Корпоративные криптоконтуры Китая	Центр офшорного USDT для Азии

В совокупности эта сеть выполняет роль нового глобального расчётного слоя, способного конкурировать с банковской инфраструктурой.

4. География криптовалютных узлов Евразии

Теневая криптоэкономика Евразии формируется в виде распределённой сети городов-узлов, каждый из которых выполняет специализированные функции — обмен, конвертацию, транзит, обналичивание, корпоративный клиринг или распределение цифровой ликвидности. Эти центры не просто обслуживают криптовалютные операции: они становятся новой транзитной архитектурой капитала, параллельной традиционной банковской системе и частично заменяющей её.

4.1. ОАЭ (Дубай, Абу-Даби)

ОАЭ — главный глобальный центр оборота USDT, куда стекается ликвидность из России, Турции, Китая, Центральной Азии, Пакистана, Афганистана.

Здесь сформирован квазибанковский рынок, работающий вне традиционного регулирования:

- крупнейший в мире объём *off-exchange* сделок USDT→fiat;
- OTC-дески, связанные с российскими, грузинскими, китайскими и пакистанскими криминальными и корпоративными сетями;

- услуги *crypto-factoring*, *crypto-escrow*, *layering-раз расчётов* — аналоги банковских продуктов, но без KYC и прозрачности.

ОАЭ — это хартленд USDT-экономики, где цифровая ликвидность превращается в доллар, золото, недвижимость и сырьевые активы.

4.2. Грузия (Тбилиси, Батуми)

Грузия — главный «серый» крипто-узел Европы. Страна не является членом ЕС, но технологически интегрирована в его финансовое пространство, что делает её идеальной площадкой для *high-risk digital liquidity*.

Особенности:

- сотни нелицензированных ОТС-операторов;
- присутствие «российских», «турецких» и «арабских» сетей одновременно;
- поставка ликвидности для параллельного импорта, включая ВПК-номенклатуру;
- массовая конвертация USDT → наличные → банковские счета в ЕС.

Тбилиси де-факто выполняет функцию европейского крипто-порога, через который цифровые средства входят в банковскую систему Евросоюза.

4.3. Литва — цифровой шлюз в ЕС

Литва стала площадкой регистрации финансовых компаний-посредников, которые формально имеют европейский статус, но работают на потоках из СНГ, Кавказа и Азии.

Ключевые характеристики узла:

- лицензирование *crypto EMI/VASP* с минимальными требованиями до 2023–2024;
- создание «фин-травел-структур», которые перераспределяют USDT в банковскую систему ЕС (*crypto-to-fiat injection*);
- рынок псевдобанковских сервисов, использующих API-банкинг и внешние платёжные рельсы.

Литва — ворота для digital-risk потоков в Евросоюз, через которые проходят высокорисковые схемы легализации активов.

4.4. Казахстан и Кыргызстан — EAEU-криптологистика

Центральная Азия играет роль транзитного коридора между Китаем, Россией и Ближним Востоком.

Почему регион критически важен:

- интеграция в ЕАЭС позволяет скрывать происхождение товаров;
- активный рынок *теневых обменников* и P2P-дилеров;
- криптовалютные расчёты используются для параллельного импорта электроники, станков, авиадеталей;

- USDT → наличный доллар → оплата промышленного закупа → реэкспорт → РФ.

Казахстан — платёжный узел импорта, Кыргызстан — финтех-площадка микро-потоков, обслуживающая розничный сегмент серой логистики.

4.5. Гонконг и Юго-Восточная Азия

Гонконг — центральная точка криптовалютных операций китайского корпоративного капитала. Он обеспечивает:

- вывод средств из КНР через USDT с последующей конверсией в fiat;
- работу офф-рампы брокеров для закупки микрочипов, электроники, SaaS-сервисов;
- крипто-финтех-мосты в Африку — растущий рынок *crypto-remittance*.

Сингапур, Малайзия, Индонезия формируют вторичный слой: менее публичные OTC-рынки, где ликвидность распределяется между шёлковыми, ближневосточными и русско-китайскими сетями.

5. Акторы крипто-геополитики

Криптовалютная инфраструктура Евразии не является хаотичной или фрагментированной — напротив, она управляется устойчивой системой акторов, которые выполняют взаимодополняющие функции. Внутри USDT-сектора распределены роли власти, криминала, финтех-посредников и корпоративных сетей, что создаёт гибридное пространство, где экономика, политика и преступность перестают существовать отдельно друг от друга. Ниже представлены ключевые группы, определяющие развитие цифровой теневой экономики в 2020–2025 гг.

5.1. Государственные и квазигосударственные группы

Эта категория представляет собой силовые структуры, финансовые регуляторы, таможенные элиты и окологосударственные бизнес-формирования. Их интерес не обязательно идеологический — он прагматичен и направлен на контроль капитала и обход внешнего регулирования.

- криптовалюты используются как инструмент обхода санкций, позволяющий проводить международные расчёты без участия SWIFT и банковского комплаенса;
- государственные структуры контролируют или «крышуют» отдельных OTC-операторов, получая доступ к ликвидности и информации о транзакциях;
- через крипто-каналы финансируются госзакупки и «чувствительный импорт», особенно в условиях ограничений на доступ к западным технологиям и оборудованию;
- в ряде юрисдикций наблюдается практика двойной политики: официальная борьба с криптовалютами сочетается с негласным использованием USDT для внешнеторговых расчётов.

Таким образом, государство не только не устраняет крипторынок — в условиях санкционного давления оно становится одним из его крупных бенефициаров.

5.2. Криминальные группы

Организованная преступность стала одним из наиболее активных пользователей USDT-экономики. Её вовлечённость объясняется тем, что криптовалюты обеспечивают транзит капиталов без наличного транспорта, банковских рисков и физического изъятия.

- USDT используется для отмывания средств, полученных от коррупции, наркотрафика, вымогательства, серых поставок и нелегального экспорта;
- ransomware-сети, цифровые ЧВК, хакерские группы и marketplace-структуры Darknet оперируют преимущественно в криптовалюте;
- наблюдается сращивание криминального капитала с политическими акторами и силовыми группами, что создаёт устойчивую экосистему взаимной защиты и обмена ресурсами;
- преступные сети занимают нишу, эквивалентную банковскому сектору, но без регулирования, паритета, AML-контроля и юридических границ.

Криминальные группы — это не внешняя угроза, а встроенный компонент новой крипто-архитектуры.

5.3. OTC-брокеры и теневые банкиры

OTC-операторы выполняют функцию «цифровых кассиров». Через них проходят крупнейшие объёмы USDT-ликвидности, они обеспечивают кэш-аут, кэш-ин, off-ramp и cross-ramp конверсии.

- P2P-брокеры осуществляют обмен криптовалюты на наличные, банковские транзакции и электронные деньги, не оставляя следов в формальной отчётности;
- используется перекрестное микширование потоков, при котором средства десятков клиентов объединяются, фрагментируются и распределяются так, что трассировка становится практически невозможной;
- OTC-рынки обеспечивают *custodial-free* операции, исключая участие бирж и лицензированных сервисов, что делает блокировку транзакции крайне сложной;
- часто OTC-дески работают под защитой государственных структур или силовых групп, фактически превращаясь в криптобанковскую систему вне контроля регуляторов

Эти участники являются «двигателем оборота», без которого криптоэкономика просто не функционировала бы.

5.4. Финтех-посредники

Финансово-технологические компании выступают в роли инфраструктурных интеграторов. Они связывают криптооборот с банковской системой, создают мосты между USDT и фиатом, а также обеспечивают транзакционный слой серых потоков.

- финтех-платформы занимают нишу *quasi-compliance*, формируя корпоративные оболочки, трастовые структуры, API-банкинг-шлюзы и юридически очищенные потоки;
- их деятельность позволяет легализовать криптовалюту через корпоративные кошельки, цифровые обменники, ЕМІ-лицензии и схемы cross-ledger-transfer;
- создаётся инфраструктура псевдобезопасности, где операции выглядят законными, но фактически служат для вывода средств, обхода санкций и «прозрачной маскировки».

Финтех-посредники — это технологический слой криптогеополитики.

5.5. Корпоративные группы

Крупный бизнес использует криптовалюты не только для ухода от регулирования, но и для внутренних стратегических задач.

- USDT становится средством финансирования параллельного импорта, особенно в отраслях с ограниченным доступом к европейскому и американскому оборудованию;
- корпоративные сети используют криптовалюты для вывода активов, создания резервных фондов и распределения дивидендов вне банковского контроля;
- наблюдается массовая «цифровизация капитала»: бизнес превращает оборотные средства в крипто-ликвидность, чтобы защитить их от национализации, арестов и корпоративных атак.

Криптовалюта становится новой формой корпоративного суверенитета.

6. Case Studies

Case 1 — USDT-цепочка для обхода экспортного контроля (ОАЭ → Армения → Россия)

Механизм основан на использовании криптовалюты как расчётного канала для импорта санкционных товаров. Маршрут предполагает покупку электроники, станков, чипов и телеком-компонентов через компании-прокси в ОАЭ. Расчёт с поставщиком производится через USDT, что позволяет избежать банковского AML-мониторинга, SWIFT-трассировки и проверок конечного пользователя (End-User Verification). Далее товары реэкспортируются в Армению, где происхождение и назначение груза изменяется через пакетирование бумаг — сертификаты, инвойсы, экспортные декларации. Из Еревана товар уходит в РФ уже как продукция третьей страны, а платёж за него поступает ОТС-проводкой через офшорный брокер-деск на TRON.

Вывод: механизм позволяет приобрести dual-use-продукцию без санкционной блокировки и без участия банков. Это классическая модель теневого импортного контура 2022–2025 гг.

Case 2 — Цифровой криминальный хаб (Азия → Евразия → ЕС)

В данном кейсе отмывание средств организовано в формате трансрегиональной крипто-эстафеты. Первичная генерация средств происходит за счёт кибермошенничества: фишинговые атаки, схемы Ponzi, компрометирование корпоративных почт, Telegram-ботнеты. Генерируемый поток переводится в USDT и направляется в Евразийскую зону, где работают ОТС-структуры, обеспечивающие микширование, cross-ledger-routing и pseudobanking (цифровой квазибанкинг без лицензии). Средства фрагментируются на сотни транзакций по 4–20 тыс. USDT, проходят через TRON-узлы и перекидываются на кошельки брокеров в Казахстане, Кыргызстане, Грузии.

Заключительный этап — обналчивание в ЕС через литовские ЕМІ-структуры, P2P-площадки и операции через подставные e-commerce-магазины. Финальный кэш появляется в евро на счётах европейских физлиц, не связанных документально с исходным преступлением.

Вывод: кейс демонстрирует, как регион Евразии превращается в «промывочный слой» между киберпреступностью Азии и финансовой системой ЕС.

Case 3 — Корпоративный конфликт, “оцифрованный” в крипту (СНГ → ОТС → госдавление)

Корпоративная война между двумя бенефициарными группами перерастает в цифровой финансовый кризис. Активы компании переводятся в криптовалюту с помощью ОТС-операторов, а затем выводятся на цепочки TRON-USDT-BSC для временной блокировки со стороны оппонентов. Сторона-инициатор выводит средства за рубеж, скрывает владельцев через многоуровневые кошельковые структуры, после чего использует доступ к ликвидности как инструмент давления. В ответ оппоненты инициируют уголовное дело, подключают силовой блок и подают запросы в Интерпол о розыске руководителей.

Фактическая цель — не уголовное преследование, а принуждение к возврату цифрового капитала и доли управления.

Вывод: криптовалюта превращает корпоративный конфликт в экстерриториальную фазу и меняет баланс силы — тот, у кого ликвидность в USDT, контролирует конфликт.

7. Глобальные риски

7.1. Формирование параллельной долларовой системы (USDT-statehood effect)

Рост оборота USDT и других стейблкоинов фактически формирует альтернативную глобальную денежную архитектуру, не подчинённую национальным центральным банкам и международным регуляторам. Эта система обладает признаками самостоятельного валютного континента: собственная ликвидность, обменные узлы, механизмы трансграничной расчётности и псевдобанковская инфраструктура ОТС-

дилеров. В долгосрочной перспективе она снижает роль классического доллара как инструмента контроля потоков капитала, ослабляет монетарный суверенитет государств и создаёт новый уровень зависимости мировой экономики от частных эмитентов цифровых валют.

7.2. Укрепление цифровой преступности и превращение её в экономическую отрасль

Криптовалютный сектор создаёт условия, в которых киберпреступность перестаёт быть маргинальной и становится регулярной экономической моделью. Вымогательские программы, фишинговые сети, тёмные маркетплейсы, крипто-отмывание и RaaS (Ransomware-as-a-Service) образуют устойчивую финансовую экосистему с собственными ценами на услуги, системой инвестиций в мошенничество и механизмами возврата активов через «страхование» криминальных операций. В Евразии данная система подпитывает параллельный импорт, контрабанду и корпоративные войны, превращая цифровую преступность в реальный макроэкономический фактор.

7.3. Усложнение AML-мониторинга и санкционного контроля (regulatory asymmetry)

Традиционные методы противодействия отмыванию доходов — KYC, SWIFT-трассировка, банковские комплаенс-алгоритмы — теряют эффективность, когда транзакции происходят в среде, где нет банка-отправителя, нет банка-получателя и нет единого регулятора. TRON-экономика, микшерные сервисы, chain-splitting и P2P-обменники формируют зоны мониторинговой слепоты. Это создаёт для государств парадокс: ужесточение регулирования увеличивает миграцию в криптосектор, а контроль становится дороже и медленнее, чем сама скорость перемещения цифровых активов.

7.4. Геополитизация криптовалют и борьба за цифровой суверенитет

Криптовалюты становятся не финансовым, а геополитическим ресурсом. ОАЭ, Турция, Гонконг, Казахстан, Сингапур — уже не просто площадки торговли, а узлы влияния, сопоставимые с ролью офшорных центров XX века. Формируется новый тип внешней политики: контроль цифровых активов становится аналогом контроля над нефтью, транзитом газа или морскими протоками. Это ведёт к появлению цифровых альянсов, конкуренции между государствами за status of crypto-hub и росту риска санкционных блокад, направленных не против стран, а против инфраструктурных узлов blockchain-экономики.

7.5. Рост Interpol Abuse и криминализация цифровых конфликтов

С расширением USDT-потоков корпоративные войны, имущественные споры и политические конфликты всё чаще приобретают криптовалютное измерение. МВД и спецслужбы используют запросы Интерпола как механизм давления не только на людей, но и на их цифровые активы — требуя раскрытия ключей, доступа к кошелькам, репатриации средств. Возникает новая категория уголовного производства — «crypto-

extradition cases», где криптовалюта становится предметом розыска, ареста и переговоров. Это повышает риск институциональной деградации Интерпола и создаёт опасность криминализованного международного преследования под видом AML-контроля.

8. Прогноз 2025–2027

8.1. Усиление глобального регулирования цифровых активов

В течение ближайших двух лет цифровая экономика перейдёт в фазу нормативной стандартизации. Регуляторные блоки MiCA (ЕС), FinCEN (США) и FATF будут постепенно смыкаться, формируя многоуровневую систему, предполагающую обязательную идентификацию участников транзакций, регистрацию криптопровайдеров и включение USDT-потоков в классический AML-контур. Вероятно появление международных протоколов отчётности, сопоставимых с banking-compliance, что приведёт к переносу неформального крипторынка в более узкие ниши — а также к росту стоимости анонимности.

8.2. Санкции и нормативные удары по ОТС-рынкам ОАЭ, Грузии и Казахстана

Крупнейшие криптовалютные хабы Евразии столкнутся с системным давлением: Вашингтон, Брюссель и Лондон уже рассматривают режимы вторичных санкций для ОТС-площадок, участвующих в обходе экспортного контроля, параллельном импорте и отмывании денежных потоков. Скорее всего, регуляторы создадут механизмы лицензирования ОТС-операторов и реестры high-risk брокеров. Это может привести к перераспределению криптопотоков в менее контролируемые зоны — Африку, Латинскую Америку, ЮВА.

8.3. Децентрализация криптопреступности и формирование нового теневого ядра

Снижение анонимности на центральных евразийских площадках приведёт к географическому смещению криминальных сетей. Наиболее вероятные зоны миграции — Нигерия, Танзания, ЮАР, Кения, Пакистан, Филиппины, Вьетнам. Эти регионы обладают тремя критическими факторами: слабое регулирование, высокие обороты P2P и мощные сетевые диаспоры. В результате цифровая преступность станет более распределённой, устойчивой и слабоуязвимой к санкционным механикам.

8.4. Формирование «Digital Iron Curtain» — раскол криптоэкономики на блоки

Мировая криптоинфраструктура, подобно финансовой системе холодной войны, с высокой вероятностью разделится на два технологических массива: контролируемый (ЕС–США–Япония–Южная Корея) и неконтролируемый (Евразия–Ближний Восток–ЮВА–Африка). В первом будут доминировать идентифицированные провайдеры,

smart-reporting и регулятивный KYC. Во второй зоне — USDT-оборот, OTC-экономика, shadow-liquidity и криптоброкеры высокой непрозрачности. Между блоками возникнет «цифровая граница», аналог SWIFT vs. MIR.

8.5. Интеграция криптоактивов в международное право и судебную практику

Международные институты (ООН, FATF, ICSID, Interpol CCF) начнут формировать отдельные правовые стандарты работы с криптоактивами — от правил доказательств до норм ареста, экстрадиции и возврата цифровых средств. Криптовалюты войдут в систему инвестиционных споров, а корпоративные войны всё чаще будут рассматриваться как цифровые конфликты, где объектом преследования становится не компания, а кластер кошельков. Это приведёт к возникновению новой отрасли права — International Crypto Litigation.

9. Рекомендации ARGA Observatory

9.1. Международным организациям и межгосударственным регуляторам (FATF, UNODC, OECD, INTERPOL, EUROPOL)

Необходимо сформировать глобальный регистр криптовалютных посредников и OTC-операторов, функционирующий по принципу санкционных листов OFAC/EU. Такой реестр должен включать параметры риска, юрисдикцию, правовой статус, связанные кошельки, а также историю подозрительных транзакций.

Следующим направлением является создание механизмов многостороннего обмена крипто-информацией, аналогичных SWIFT KYC Registry, но применимых к USDT/USDC/DeFi-операциям. Это позволит формировать *трансграничную «оперативную карту» цифровых потоков* и повысит качество отслеживания незаконных маршрутов.

Ключевым является внедрение крипто-интеллигенс (CRPTINT) как обязательного элемента международного правоприменения: INTERPOL, FATF и UNODC должны интегрировать ончейн-аналитику, кластеризацию кошельков и мониторинг DeFi в стандарты расследований и оценки рисков.

9.2. Регуляторам ЕС, США, Великобритании, Японии и Южной Кореи

Требуется переход к ужесточённому режиму AML/KYC-контроля OTC-рынков, включая обязательное лицензирование, раскрытие конечных бенефициаров и автоматическую отчётность о транзакциях выше установленных лимитов.

Особое внимание должно быть уделено юрисдикциям высокого риска (ОАЭ, Грузия, Казахстан, Гонконг, Кыргызстан), где оборот криптовалют используется для обхода экспортного контроля и расследований.

Рекомендуется внедрить санкционные списки криптооператоров, аналогичные секторальным перечням OFAC, с возможностью вторичных санкций против платформ, обслуживающих criminal-flows, параллельный импорт и криптоотмывание. Такая мера станет системным инструментом давления на нелегитимные крипто-сети и повысит устойчивость мировой финансовой архитектуры.

9.3. Академическим учреждениям, исследовательским центрам, лабораториям цифровой криминологии

Необходимо создание долгосрочного массива данных о криптопреступных сетях Евразии, включая ончейн-кластеры, OTC-маршруты, P2P-мосты и аффилированных цифровых брокеров. Такой корпус данных станет фундаментом для независимой научной экспертизы и международных расследований.

Отдельным направлением является формирование новой дисциплины криптокриминологии — исследовательского поля на стыке криптографии, финансового анализа, криминологии, международного права и геополитики. Данная дисциплина позволит моделировать риск, прогнозировать потоковые структуры и выработать рекомендации для институтов безопасности.

Также требуется системное изучение воздействия криптовалют на архитектуру глобальной безопасности, включая межблоковый раскол цифровых экономик, угрозу долларовой стабильности, эволюцию теневых рынков и трансформацию роли международных финансовых организаций.

10. Заключение

Криптовалюты перестали быть технологическим экспериментом и превратились в самостоятельную архитектуру глобальной власти и распределения капитала. Вместо периферийного инновационного инструмента цифровые активы стали вторым финансовым контуром мировой экономики — негосударственным, нерегулируемым, но всё более системным. USDT-экономика уже функционирует как альтернативная долларовая система расчётов, позволяя миллиардам долларов перемещаться между юрисдикциями быстрее, чем действуют государственные механизмы контроля.

В Евразии именно криптосфера стала точкой пересечения интересов государств, преступных группировок, корпораций и сетей цифровых посредников. Блокчейн-транзакции играют роль дипломатии, а OTC-рынки выполняют функции банковской инфраструктуры, заменяя SWIFT, национальные регуляторы и межправительственные механизмы. Обход санкций, вывод капитала, параллельный импорт, теневая логистика и киберпреступность встроены в единую цифровую экосистему, где деньги движутся быстрее, чем право успевает фиксировать нарушение.

Рост USDT-сектора показывает: мир вступает в фазу, когда финансовая система больше не принадлежит государству. Транснациональные P2P-структуры и платёжные цепочки TRON создают пространство, в котором валютный суверенитет становится условным. Это ставит под угрозу традиционный банковский порядок — не только с точки зрения AML-рисков, но и в аспекте контроля денежной массы, налогового

администрирования и санкционной политики. Криптовалюты формируют новый класс власти — власть над ликвидностью вне национальной правовой системы.

Одновременно криптоэкосистема порождает новую конфигурацию преступности. Если в XX веке криминальные сети были территориальны, сегодня они — распределённые, децентрализованные, анонимные. Киберпреступность больше не нуждается в физическом пространстве: цифровые нарко-сети, финансовые пирамиды, вымогатели, ОТС-банковские брокеры функционируют как глобальная корпорация, которая не зависит от границ, юрисдикций, легальных валют и физического контроля. Усиление таких систем неизбежно приводит к появлению параллельного рынка безопасности, параллельной юстиции и параллельной экономики, где правовой порядок заменён алгоритмической логикой блокчейна.

Доклад ARGA Observatory демонстрирует: крипта — это уже геополитика, а контроль над цифровой ликвидностью становится эквивалентом контроля над нефтью, газом и военной промышленностью прошлого века. Государства, научные центры и глобальные регуляторы не просто наблюдают за трансформацией — они должны вмешаться. Если международная система не успеет адаптироваться, баланс сил в мире будет определяться не центральными банками, а сетями цифровых посредников, владеющими маршрутизацией незаконных транзакций.

Эпоха цифровой экономики требует новой архитектуры управления — такой, где блокчейн-аналитика, крипто-право, санкционный мониторинг и криминологическая наука объединены в единую дисциплину. Формирование этой дисциплины — ключевая задача ближайших лет.

Источники

1. Chainalysis, 2024 Crypto Crime Trends, January 18, 2024, <https://www.chainalysis.com/blog/2024-crypto-crime-report-introduction/>.
2. TRM Labs, 2024 Crypto Adoption and Illicit Exposure Report, December 6, 2024, <https://www.trmlabs.com/reports-and-whitepapers/2024-crypto-adoption-and-illicit-exposure-report>.
3. FATF, Virtual Assets : Targeted Update on Implementation of the FATF Standarts on Virtual Assets and Virtual Assets Service Providers, Paris, 27 June 2019, <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/targeted-update-virtual-assets-vasps-2023.html>.
4. FATF, High-Risk Jurisdictions subject to a Call for Action, Paris, 24 October 2025, <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/High-risk-and-other-monitored-jurisdictions/Call-for-action-october-2025.html>.